ГОДЪ Сорокъ Третій

ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ № 17-18. ВѢДОМОСТИ.

1 мая 1905 года ВОСКРЕСЕНЬЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

— 15 Апрѣля священникъ Порплицской церкви, Вилейскаго уѣзда, Іоаннъ Новоградскій уволенъ, согласно прошенію, за штатъ, по разстроенному здоровью.

— 8 Апрѣля утверждены въ должности церковныхъ старостъ на три года выбранные къ церквамъ: 1) Роговской, Вилейскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Жуки, Савелій Касперовичъ и 2), Ковальской, Дисненскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Ледниковъ Ѳедоръ Игнатьевъ Моисеенокъ-на четвертое трехлѣтіе, при чемъ послѣдній награжденъ, за долголѣтнюю усердную службу церкви Божіей,—похвальнымъ листомъ.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 19 Апрѣля скончался Трокскій Благочинный священникъ Евьевской церкви Сергій Смирновъ отъ сыпного тифа, 50 лѣтъ; послѣ него осталась жена.

— 30 Апрѣля освящена вновь построенная при гор. Диснѣ каменная церковь.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ—

— Въ с. Исуѣ, Дисненскаго уѣзда (7).
— Въ с. Михаловщинѣ, Ошмянскаго уѣзда. (7).
— Въ с. Дуботовкѣ, Свенцянскаго уѣзда. (6).
— Въ м. Прозорокахъ, Дисненскаго уѣзда (3).
— Въ м. Дрисвятахъ, Новоалександровскаго уѣзда (3).
— Въ с. Залѣсьи, Дисненскаго уѣзда (2).
— Въ м. Цитовянахъ, Россіенскаго у. (2).
— Въ м. Евье, Трокскаго уѣзда. (1).
— Въ с. Порплищѣ, Вилейскаго уѣзда. (1).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ—

— Въ г. Свенцянахъ (11).
— Въ м. Высокомъ-Дворѣ, Трокскаго у. (10).
— Въ м. Юрбургѣ, Россіенскаго уѣзда. (9).
— Въ г. Диснѣ при Воскресенской ц. (7).
— Въ м. Прозорокахъ, Дисненскаго уѣзда (3).
— Въ м. Дрисвятахъ, Новоалександровскаго уѣзда. (3).
— Въ м. Поставахъ, Дисненскаго уѣзда. (3).
— Въ м. Городиловѣ, Ошмянскаго уѣзда (3).
— Въ с. Батуринѣ, Вилейскаго у. (2).
— Въ с. Язно, Дисненскаго у. (2).
— Въ с. Голомысли, Дисненскаго у. (2).

№ статей.	Отчетъ о расходѣ суммъ Вспомогательной кассы духовенства Литовской и Гродненской Епархіи за 1903 г.	Наличными.		Билетами.	
		Руб.	Коп	Руб.	Коп.
	Въ 1903 году израсходовано изъ суммъ Вспомогательной и Погребальной кассы:				
1.	На основаніи журнальныхъ постановленій Правленія кассы, утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ, выдано единовременное пособіе изъ погребальной кассы семействамъ умершихъ священиковъ.				
	1. Петра Олешкевича ст. 4.	300			
	2. Вдовѣ Александрѣ Кузнецовой ст. 12.	237	80		
	3. Константина Зеленина ст. 13,	300			
	4. Екатеринѣ Дорошевской ст. 17	300			
	5. Юліи Синевой ст. 18.	37	50		
	6. Павла Синева ст. 21.	300			
	7. Ѳомы Соботковского ст. 22.	300			
	8. Меланіи Давидовичъ ст. 53.	300			
	9. Агафіи Христачевской ст. 54.	300			
	10. Семейству Ѳ. Сосиновича ст. 55.	300			
	11. Свящ. Антоновича ст. 56.	300			
	12. Свящ. Антонія Девалтовскаго ст. 57.	300			
	13. Вдовѣ Евдокіи Кармановой ст. 58.	300			
	14. Митроф. Померанцева ст. 67.	300			
	Итого	3875	30		
	2) Псаломщиковъ:				
	1. Михаила Поликарповича ст. 3.	100			
	2. Виктору Куриловичу ст. 14.	22			
	3. Ѳеодосіи Цвиневой ст. 20.	12	50		
	4. Антонія Нейча ст. 23.	100			
	5. Константина Наумова 24.	100			
	6. Викентія Новицкаго ст. 59	100			
	7. Андрею Флерову ст. 61.	19			
	Итого	453	50		
	II Израсходовано на покупку о/о о/о хъ бумагъ по статьямъ				
	— 5-ой за 2 ренты по 5000 р.	9899	78		
	— 9 — 4 ренты по 1000 р.	3950			
	— 24 — 1 рента въ 1000 р.	990	66		
	— 34 — 2 ренты 1) 5000 р. 2) 1000 р.	5927	53		
	— 39 — 3 ренты по 1000 р	2970	56		
	— 42 — 3 ренты по 1000 р.	2972			
	— 47 — 3 ренты по 1000 р.	2998	19		
	— 65 — 1 рента въ 1000 р.	993	53		
	— 66 — 2 ренты 1) 1000 р. 2) 500 р.	1498	2		
	Итого	32,200	27		
	III На письменныя и канцелярскія принадлежности израсходогано:				
	ст. 37, 63,	10	35		
	Итого	10	35		

	IV Возвращено изъ Вспомогательной кассы за переходомъ въ другую епархію и иное вѣдомство.			
1.	Свящ. Владимиру Концевичу ст. 16	145	80	
2.	— Александру Паевскому ст. 19.	141		
3.	— Николаю Яхонтову ст. 33.	177		
4.	Псаломщику Димитрію Тюбаеву ст. 31.	25		
5.	Александру Ральцевичу ст. 15.	14		
9.	Законоуч. Шавельской Гимназіи Пѣнькевичу ст. 60.	57		
7.	Студенту Василію Рудаковскому ст. 2	30	41	
	Итого.	590	21	
	V Выдано Секретарю Правленія жалованія по ст. 7, 10, 25, 29, 32, 43, 45, 48, 52, 68	283	32	
	VI Выдано его помощнику по ст. 30, 36-й.	40		
	VII Мелочные, случайные и непредвидѣнные расходы по ст. 1, 6, 8, 11, 26, 27. 35, 44, 46, 62-ой	125	65	
	VIII Выдано разсыльному Правленія кассы вознагражденія по ст. 38, 64.	18		
	IX Уплочено за страховку закладн. выигр. листа Государств. Дворянск. зем. Банка по ст. 28, 51.	5	50	
	X Возвращено Гродненской епархіи на основаніи раздѣла о/о о/о-ми бумагами	—	—	160,000
	и наличными ст. 49	824	56	
	XI Выдано членамъ коммисіи (ст. 40, 41) Гродн. Епар.	150		
	Итого въ 1903 году было въ расходѣ по Вспомогательной и Погребальной кассѣ	38,576	66	160,000
	За вычетомъ расхода изъ прихода, въ остаткѣ къ 1-му января 1904 года состояло на лицо наличными деньгами триста тринадцать рублей и восемнадцать копеекъ №	313	18	
	и билетами девяносто три тысячи семьсотъ рублей	—	—	93,700

Предсѣдатель Правленія Священникъ Михаилъ Плиссъ.

Члены:
- Священникъ Александръ Сосновскій.
- Священникъ В. Василевскій.

Секретарь Священникъ Лука Смоктуновичъ.

Опись о/о о/о-хъ бумагъ Вспомогательной кассы, духовенства Литовской Епархіи.

1. Государственная 4о/о рента.

1, листъ 030—110 сер.	Хранятся въ Казначействѣ.	25,000	Хранятся въ Казначействѣ.
2, листъ 376—126		25,000	
3, листъ 012—163		25,000	
4, листъ 0067—208		5000	
5, листъ 204—70		5000	
6, листъ 1474—120		5000	
7, листъ 0638—107		1000	
8, листъ 0199—208		1000	
9, листъ 0952—118		500	
10, листъ 14376—196		200	
11, листъ 0962—178		200	
12, листъ 18708—165		100	
13, листъ 18721—165		100	
2. Выйгрышный билетъ дворянскаго Банка.			
1, листъ 05492—41		100	
3. Закладные 3½ о/о листы Дворянскаго Земельнаго Банка.			
1, листъ 046302.		100	
2, листъ 046303.		100	
3, листъ 046304.		100	
4, листъ 046318		100	
5, листъ 046319.		100	
Всего		93,700	

Предсѣдатель Правленія Священникъ Михаилъ Плиссъ.

Члены:
- Священникъ Александръ Сосновскій.
- Священникъ В. Василевскій.
- Секретарь Свящ. Лука Смоктуновичъ.

1904 года октября 20 дня. Настоящій отчетъ Вспомогательной кассы за 1903 г. въ Ревизіонной Коммиссіи разсмотрѣнъ, повѣренъ и найденъ составленнымъ правильно и съ приходо—расходною книгою согласнымъ.

Члены Коммисіи: Священникъ Василій Соколовъ.
Священникъ Димитрій Модестовъ.
Священникъ Александръ Карасевъ.

Неоффиціальный отдѣлъ.

Пасхальная Заутреня.

Зажигаютъ свѣчи въ большихъ паникадилахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло—какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣть на всѣхъ. И вотъ, вдругъ кто то возлѣ перекрестился, заслышавъ ударъ соборнаго колокола—въ самомъ дѣлѣ—ударили, другой—третій и понеслись хоромъ чудные, таинственные звуки, и вотъ наконецъ нашъ, *родной* колоколъ своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой!

А дальше—дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній. Вынесли изъ алтаря старыя, гдѣ-то далеко стоявшія иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разу не видывалъ въ движеніи—и запѣли:— „Воскресеніе Твое Христе Спасе", и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи и у всѣхъ такія спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова.—И тихо все такъ, какъ будто никого нѣтъ въ церкви, и надъ этой тишиной только носится тотъ же торжественный гулъ колоколовъ. Боже—что будетъ—хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора,—и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое: „Христосъ воскресъ!" и въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ. И ребенокъ, въ первый разъ заслышавъ васъ, чувствуетъ трепетъ праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью. Когда бы ни заслышало васъ мое ухо, когда бы ни представило воображеніе свѣтлую ночь Пасхи и церковь празднующую,—въ душѣ моей разцвѣтаетъ и благоухаетъ праздничное чувство. И дѣтство, милое, давно прошедшее дѣтство смотрится въ нее и въ ней отражается, и снова слышатся въ ней тѣ же надежды и обѣщанія, которыми жила и радовалась душа въ ту благословенную пору. Въ этихъ надеждахъ и обѣщаніяхъ—свѣтъ и надежда цѣлой жизни, отголосокъ вѣчнаго праздника, отблескъ невечерняго дня въ царствіи Христовомъ. Отойдите прочь, горькія заботы! Пусть—чего ждало сердце—то не пришло,—пусть то, о чемъ вспомнить и подумать страшно, остается въ жизни, пусть стоитъ тутъ со мной, возлѣ меня! Пусть то, чему повѣрило сердце и во что положило себя—то ему измѣнило;—пусть то, что было дороже жизни, оставило жизнь! Пусть то, что казалось правдой и красотой и свѣтомъ,--явилось ложью и тьмой и безобразіемъ! Жизнь—вся какъ есть и со всѣмъ, что есть въ тебѣ,—оставайся,—я не боюсь тебя, потому что съ этимъ ударомъ колокола проклятіе спало съ тебя; въ это мгновенье—Божіе благословеніе озарило тебя вновь, отъ края до края, съ первой до послѣдней минуты, и ты сіяешь, и красуешься и блещешь и трепещешь отъ любви Божіей, милая, свѣтлая, благословенная жизнь! Вся покрыта росою Божіей, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая, безъ конца и безъ мѣры, безъ смерти, безъ горя, безъ потери. Свѣтъ воскресенія Христова открылъ твою истину, и будущее твое слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго. О, когда бы остановить эту минуту. О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать бы жить и не кончить жить— съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: „Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!"

(Изъ кн. «Праздники Господни» К. П. П.).

Иной взглядъ на церковно-общественную дѣятельность духовенства.

(По поводу фельетона г. Меньшикова въ № 10,424 „Новаго Времени").

Въ недавнемъ своемъ фельетонѣ (въ 10424) почтенный писатель—публицистъ г. Меньшиковъ высказалъ много укоризны по адресу нашего духовенства за то, что оно, яко бы, въ дѣятельности своей не соотвѣтствуетъ своему высочайшему призванію.

Особенно тяжкимъ „смертнымъ грѣхомъ" нашего духовенства г. Меньшиковъ считаетъ то, что оно „всего боится", а изъ боязни „все благословляетъ, все—фактически—разрѣшаетъ, и за цѣлые вѣка до Толстого не противится злу, какъ бы оно ни было вопіюще... Духовенство, по его словамъ, тщательно сторонилось отъ ужасовъ народной жизни и всему провозглашало многая лѣта. Согласитесь, однако, что исторія наша сложилась-бы совсѣмъ

иначе, если бы въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ гремѣлъ не переставая негодующій голосъ, обличающій, зовущій къ суду Божьему, несговорчивый, готовый идти на смерть"...

Не ради полемики съ г. Меньшиковымъ, а въ видахъ полноты сужденія о предметѣ столь высокой важности, приведемъ здѣсь старательно замалчиваемый свѣтскою печатью иной взглядъ на историческую и современную пастырскую дѣятельность духовенства.

Наиболѣе славные изслѣдователи и знатоки прошедшихъ судебъ русскаго народа (Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Ключевскій, митрополитъ Филаретъ) высоко цѣнятъ заслуги нашего духовенства и дѣлаютъ о нихъ самые лестные отзывы. По этимъ отзывамъ, духовенство наше сослужило въ исторической жизни нашего отечества такую великую службу, оказало ему такія благодѣянія, которыхъ нельзя даже измѣрить и оцѣнить по достоинству. Безъ чадолюбивой матери русскаго народа—святой православной Церкви, безъ ея служителей, по словамъ Костомарова, быть можетъ, давно уже и не существовало бы русскаго государства.

Въ ряду великихъ историческихъ заслугъ нашего духовенства предъ государствомъ одно изъ выдающихся мѣстъ, какъ утверждаетъ проф. Ключевскій, занимаетъ содѣйствіе духовенства благоустройству социальныхъ отношеній въ русской землѣ, благоустройству гражданскаго права и порядка въ ней.

Въ гражданскомъ общежитіи огромное значеніе имѣетъ семья.

Прочность ея—вѣрнѣйшій залогъ прочности цѣлаго государства. Въ виду столь великаго значенія семьи, Церковь въ лицѣ ея пастырей, прилагала большіе труды и заботы къ благоустройству семейной жизни. А такъ какъ благоустроить семью невозможно было безъ усвоенія средоточію семейной жизни, матери семейства, гражданскихъ правъ, подобающаго авторитета въ гражданскомъ отношеніи, то духовенство вмѣстѣ съ проповѣдію необходимости чистоты брачныхъ узъ, настойчиво, съ неослабнымъ усердіемъ проводило взглядъ о необходимости облечь жену, мать семейства, этими гражданскими правами, и, вотъ, подъ воздѣйствіемъ именно Церкви, жена—прежняя безплатная раба—превратилась сначала въ совѣтчицу мужа, а потомъ въ преемницу его отцовскихъ правъ. „Если, говоритъ Ключевскій, русская женщина разберется въ своемъ правовомъ и нравственномъ имуществѣ, которымъ она живетъ, какъ жена, какъ мать и гражданка, она увидитъ, что всѣмъ, чѣмъ наиболѣе дорожитъ въ ней общество и что наиболѣе дорого ей самой—всей своей исторической опричниной она обязана преимущественно Церкви, ея проповѣди, ея законодательству" [1])

Г. Меньшиковъ утверждаетъ, что духовенство наше тщательно сторонилось отъ ужасовъ народной жизни, все благословляло, все разрѣшало и всему провозглашало многая лѣта. Справедливо ли это утвержденіе?

Въ русскомъ правѣ было, между прочимъ, два установленія, чрезвычайно прочныя, но и столько же тяжелыя—это ростовщичество и холопство, легко превращавшіяся въ злоупотребленія и разрушавшія гражданское общежитіе. Эти установленія были, можно сказать, самыми главными „ужасами народной жизни", существовавшими въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ. По мнѣнію г. Меньшикова, духовенство наше сторонилось ужасовъ народной жизни, и въ нѣдрахъ народныхъ не гремѣлъ негодующій голосъ духовенства, обличающій, зовущій къ суду Божьему. А вотъ г. Ключевскій утверждаетъ, что „трудно найти древне-русское церковное поученіе, въ которомъ не было бы рѣзкаго порицанія ростовщика или рабовладѣльца. Ростовщикъ—кровопійца, рабовладѣлецъ—жестокій разбойникъ, недостойны св. причастія—вотъ къ чему сводилась церковная проповѣдь, боровшаяся съ этими недугами русскаго общества". И усилія пастырей не оставались безплодными.

Подъ вліяніемъ духовенства, его проповѣди—въ людскомъ общежитіи развивались и укоренялись гуманныя отношенія, которыя входили въ привычки, нравы, потомъ и узаконялись. Послушныя голосу церкви частныя лица отказывались отъ поддержки, защиты при помощи закона своихъ людскихъ правъ, жертвовали этими правами въ пользу ближняго, даже гнушались ими. Рабовладѣльцы по духовнымъ завѣщаніямъ отпускали своихъ рабовъ на полную свободу, мотивируя такую свою волю разсужденіемъ: „всѣ бо Божіи и царевы государевы люди". Заимодавецъ ссужалъ бѣдняка деньгами безъ всякихъ процентовъ и бѣднякъ въ долговомъ обязательствѣ пояснялъ, что заимодавецъ „росту съ него не взялъ ничего, помня евангельскую заповѣдь и имѣя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій". Вполнѣ понятно, чье вліяніе дѣлало изъ завѣщанія владѣтеля крѣпостныхъ душъ трактатъ о равенствѣ людей предъ Богомъ и Государемъ и долговое обязательство превращало въ благотворительный актъ.

Человѣколюбіе, гуманность въ людскихъ отношеніяхъ, задолго предупреждало у насъ гуманные законы. Изъ двухъ законовъ—о ростѣ и о холопахъ, первый сравнительно скоро былъ значительно смяг-

[1]) Приб. къ Твор. Св Отц. кн. IV, Москва, 1888.

ченъ и видоизмѣненъ. Несравненно больше было для Церкви труда въ борьбѣ съ рабовладѣльчествомъ. Однако, безустаннымъ дѣйствіемъ на нравы и понятія, а чрезъ это и на законодательство, Церковь разрушила самое право, узаконявшее рабство, или разрушила самое основаніе, на которомъ утверждался законъ о рабахъ. „Древне-русское холопство, говоритъ г. Ключевскій, первоначально было однообразнымъ и недѣлимымъ, недопускавшимъ никакихъ степеней и различій. Но подъ вліяніемъ Церкви оно постепенно разложилось на многообразные виды ограниченной неволи и каждый дальнѣйшій видъ былъ смягченіемъ предыдущаго".

Все благославляя, все разрѣшая, духовенство, по словамъ г. Меньшикова, „не протестовало противъ крѣпостного права". Другіе авторитеты, въ томъ числѣ митрополитъ Филаретъ и тотъ же г. Ключевскій высказываютъ совершенно противоположное убѣжденіе. Они утверждаютъ, что величайшему акту въ исторической нашей жизни—освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости прежде всего и больше всего содѣйствовала именно Церковь своею неустанною проповѣдію о равенствѣ людей предъ Богомъ. Такое убѣжденіе нынѣ популизируется уже повседневной печатью. Неособенно давно, напримѣръ, и „Новое Время" высказало, что, какъ бы кто ни оцѣнивалъ ближайшіе мотивы крестьянской реформы, *не подлежитъ сомнѣнію* (курсивы наши) тотъ *основной* мотивъ ея, который былъ и исходной точкой и верховнымъ вдохновленіемъ этого великаго дѣла, а именно—*совѣсть* и, разумѣется, совѣсть христіанская, руководящаяся евангельскою заповѣдію: дѣлайте другимъ то, что вы считаете для самихъ себя благомъ" (№ 9684).

Совершенно справедливо г. Меньшиковъ считаетъ самымъ трагическимъ бѣдствіемъ народовъ ихъ нравственный упадокъ, упадокъ въ ихъ совѣсти, общее разореніе души, обнищаніе ея во всемъ высокомъ, слѣдствіемъ чего является уже ихъ развратная жизнь, преступныя дѣйствія. Разительнымъ примѣромъ того, до какого позора, до какой неслыханной прежде низости пали мы—русскіе, г. Меньшиковъ указываетъ на случаи продажи въ текущую войну японцамъ нашихъ секретныхъ картъ, причемъ каждый листъ съемки продавался, судя по перехваченнымъ роспискамъ, по 6000 рублей. „Отчего, спрашиваетъ онъ,—мы пали до циническаго равнодушія къ своему народу, до государственнаго грабежа?.. Откуда этотъ чудовищный упадокъ воли и совѣсти?.. „Отъ упадка вѣры", отвѣчаетъ онъ. Отвѣтъ совершенно справедливый. „Кто же отвѣтственъ въ этомъ упадкѣ вѣры?" спрашиваетъ онъ далѣе, и отвѣчаетъ: „кто же, какъ не сословіе, призванное утвердить ее". „Вотъ въ чемъ, говоритъ онъ, настоящее горе Россіи. У насъ нѣтъ болѣе священнаго сословія, а есть только духовенство", переставшее быть учительнымъ въ томъ именно смыслѣ, что проповѣди его стали такъ „бѣдны и незначительны, что рѣшительно ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу".

Но едва-ли такое категорическое мнѣніе о современной церковной проповѣди можно назвать справедливымъ.

Намъ думается, что при сужденіи о силѣ и плодотворности церковной проповѣди слѣдуетъ принимать во вниманіе и сердца, къ которымъ обращена проповѣдь,—почва, на которой сѣется сѣмя. Невольно вспоминается притча Іисуса Христа о сѣятелѣ.

Высказанное г. Меньшиковымъ мнѣніе о нынѣшней церковной проповѣди во всякомъ случаѣ никакъ нельзя назвать общимъ. Другіе судятъ о ней совсѣмъ иначе. Для примѣра приведемъ сужденіе небезызвѣстнаго въ духовной литературѣ И. У. Полимпсестова. Въ 1891 году въ журналѣ „Странникъ" (м. Февраль) онъ, между прочимъ, писалъ: „припомнимъ самую блестящую страницу изъ тысячелѣтней жизни русскаго народа—освобожденіе имъ отъ многовѣковаго рабства славянъ (сербовъ и болгаръ), родныхъ ему по вѣрѣ и крови. Что побудило русскій народъ къ этому подвигу?—Одна Евангельская любовь. А эту любовь кто вдохнулъ и возгрѣваетъ въ русскомъ народѣ?— Св. православная Церковь, ея служители. Эта страница въ нашей исторіи дѣйствительно есть самая блестящая, какъ отблескъ евангельскаго свѣта, подобной страницы нѣтъ въ исторіи всего человѣчества, она украшеніе, честь, гордость русскаго народа, и *ее могла написать своими перстами только одна св. Церковь*".

И настоящая война развѣ мало представляетъ примѣровъ необыкновенной доблести, изумительнаго геройства, беззавѣтнаго самопожертвованія за благоденствіе, славу и честь своей родины?

Смертнымъ грѣхомъ нашего духовенства г. Меньшиковъ, какъ то выше и указывалось, считаетъ то, что оно всего боится, боится помѣщика, становового, мѣстнаго кулака, а изъ боязни все благословляетъ, все разрѣшаетъ, ничему не противится и всему поетъ многая лѣта.

Если духовенство наше, дѣйствительно, сторонится отъ нѣкоторыхъ изъ „ужасовъ народной жизни" и не обличаетъ, не бичуетъ негодующимъ голосомъ, зовя виновниковъ этихъ ужасовъ къ суду Божьему, то это, говоря вообще, оно дѣлаетъ не

изъ страха предъ помѣщиками, становыми, мѣстными кулаками или кѣмъ либо другимъ, кто много посильнѣе этихъ очень сильныхъ персонъ, но по чувству дисциплины, изъ послушанія власти. Хорошо ли это или худо—вопросъ другой, и мы не его рѣшаемъ теперь.

Что духовенство наше способно безбоязненно, самоотверженно выполнять долгъ своего призванія, хотя бы въ этомъ случаѣ пришлось дѣйствовать въ прямой и существенный ущербъ интересамъ не только очень сильныхъ, но и всесильныхъ міра сего, вотъ этому краснорѣчивое и убѣдительное доказательство. Въ 50-тыхъ годахъ Св. Синодъ призвалъ нарочитымъ указомъ духовенство къ борьбѣ съ пьянствомъ въ народѣ. Въ этомъ случаѣ духовенству предстояло столкнуться съ интересами воистину всесильныхъ тогда людей—откупщиками винной торговли. Что же, убоялось оно этого всепобѣждавшаго могущества? Ничуть нисколько. Борьбу противъ пьянства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ духовенство сразу же повело съ такою силою и энергіею и такъ плодотворно, что у откупщиковъ затрещали карманы, и они нашли себя вынужденными возбудить въ Петербургѣ спеціальное ходатайство о томъ, чтобы воспрещено было духовенству продолжать его походъ противъ пьянства. И ему воспретили, конечно, къ великому сожалѣнію и духовенства, и Св. Синода.

Легко разобраться, что тутъ было причиною, сковавшею уста духовенства: боязнь ли предъ всесильными откупщиками или послушаніе власти.

Можно утвердить и съ какимъ угодно ручательствомъ, что когда наступятъ другія „времена“ для церковной проповѣди, то голосъ нашего духовенства „въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ“ загремитъ сильнѣе и смѣлѣе, чѣмъ онъ гремѣлъ въ 50-тыхъ годахъ, когда его громомъ встревожились даже сами откупщики.

Совершенно вѣрно напоминаетъ г. Меньшиковъ, что апостольство соединеносъ мученичествомъ, какъ объ этомъ Христосъ и предупреждалъ всѣхъ своихъ истинныхъ послѣдователей. Поэтому, нѣтъ основанія мученичество за идею считать въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы спеціальностію только духовенства. И исторія христіанства представляетъ не мало примѣровъ, когда пасомые вмѣстѣ съ пастырями, нисколько не отставая отъ нихъ, шли на мученія.

Въ похвалу духовенства древней Руси и въ укоръ послѣдующему и современному очень часто указываютъ на митрополита Филиппа. Не отрицая всей силы и убѣдительности этого указанія, должно, однако, сказать, что ссылка на митрополита Филиппа въ данномъ отношеніи является историческою справкою неполною и односторонneю. Въ древней Руси былъ митрополитъ Филиппъ, но тогда же былъ и „потаковникъ“ митрополитъ Даніилъ, какъ 200 лѣтъ спустя (при Екатеринѣ Великой) были потаковникъ митрополитъ Сѣченовъ и мужественный, безстрашный борецъ, можно сказать, даже мученикъ архіепископъ Арсеній Мацѣевичъ.

„Ни одного пострадавшаго за правду священника, пишетъ г. Меньшиковъ, я не встрѣчалъ за всю мою довольно долгую жизнь. Страдаютъ, продолжаетъ онъ,—и даже очень—отъ пьянства, отъ дрязгъ съ благочинными, отъ неисправной дани въ консисторію, отъ неумѣнья подладиться къ вкусамъ помѣщиковъ и кулаковъ. Но чтобы священникъ пострадалъ за безстрашную проповѣдь, за суровое обличеніе—мнѣ не приходилось видѣть“.

Въ данномъ случаѣ г. Меньшиковъ не простираетъ обобщенія за предѣлы своихъ личныхъ наблюденій, и мы не смѣемъ не довѣрять имъ. Но позволимъ себѣ утверждать, если бы г. Меньшиковъ по однимъ только своимъ наблюденіямъ сталъ судить въ данномъ отношеніи о всемъ вообще современномъ духовенствѣ, то сужденіе его оказалось бы несправедливымъ. За слово обличенія, за нежеланіе (а не за „неумѣніе“ только) подлаживаться подъ вкусы помѣщиковъ и кулаковъ жестоко страдаютъ и современные не только іереи, но и сами архіереи. Очень сознаю, что свои слова намъ нужно бы подтвердить фактами, и сдѣлать это было бы очень нетрудно, но, къ сожалѣнію, тутъ возможное невозможно для насъ. Поэтому просимъ повѣрить и намъ на слово.

Если бы не было къ тому препятствій, то мы могли бы установить на цѣломъ рядѣ оффиціально извѣстныхъ намъ разительныхъ примѣровъ, что въ послѣднее время вошли, если умѣстно здѣсь такъ выразиться, въ моду преступленія, соединенныя съ оскорбленіемъ, поруганіемъ православной святыни, а еще чаще съ поруганіемъ, оскорбленіемъ, издѣвательствомъ и даже грубымъ, безобразнымъ насиліемъ надъ лицами духовнаго сана. Было бы даже грѣшно утверждать, что въ этихъ случаяхъ причиною скорбей и страданій духовныхъ лицъ были тѣ же, указываемыя г. Меньшиковымъ, причины: пьянство, дрязги съ благочинными, неисправная дань въ консисторію, неумѣнье подладиться подъ вкусы помѣщиковъ и кулаковъ.

Неужели, спросимъ мы еще, современное духовенство относится совершенно равнодушно, безъ сердечной боли, безъ нравственныхъ мученій къ

тому, что нынѣ съ неслыханною у насъ прежде, можно даже сказать вчера, свободою говорится въ отрицаніе, поруганіе самой идеи христіанства, идеи Церкви, въ поруганіе и униженіе призванія духовенства?

Очень ошибся бы тотъ, кто изъ всего, что нами здѣсь высказано, вывелъ бы заключеніе о нашемъ желаніи, во чтобы то ни стало, оправдать духовенство въ его исторической роли и современной пастырской дѣятельности, закрывая при этомъ глаза на все дурное, достойное осужденія, что было и есть въ нашемъ духовенствѣ. Мы не менѣе, чѣмъ кто-либо другой, знаемъ, что въ средѣ духовенства всегда находились, какъ и нынѣ находятся, недостойные служители алтаря, непонимающіе высоты своего призванія, истые евангельскіе фарисеи и лицемѣры, и къ тому же глубоко порочные. Но по Іудѣ-предателю нельзя судить, что и всѣ ученики Христовы были таковы? Равнымъ образомъ, по казнокрадамъ, грабителямъ государства, измѣнникамъ отечеству, продающимъ врагамъ секретныя карты, по трусамъ и прочимъ негодямъ, если они попадаются въ нашей арміи, развѣ можно судить, что и все наше военное сословіе таково?

Мы—скажемъ опять—совсѣмъ не имѣемъ въ виду идеализировать наше православное духовенство и его дѣятельность прошлую и настоящую, какъ не думаемъ, чтобы у г. Меньшикова не было почвы для его сужденій о „сѣдалищѣ Моисея“; мы лишь указываемъ, что на это „сѣдалище“ есть и другіе взгляды.

По взгляду г. Меньшикова, „у насъ нѣтъ болѣе священнаго сословія, а есть только духовенство“, и въ этомъ и состоитъ „настоящее горе Россіи“, а по другому взгляду, оно, то есть священное сословіе,—слава Богу—существуетъ и теперь, и существуетъ какъ воистину зиждительная и животворная сила.

Какъ извѣстно, въ 1888 году 15 іюля, вся Россія, всѣ родственные намъ славянскіе народы, весь православный міръ торжественно праздновалъ величайшее событіе въ исторіи русскаго народа—принятіе имъ 900 лѣтъ тому назадъ православной вѣры. Главнымъ мѣстомъ торжества былъ Кіевъ. Сюда на время праздниковъ съѣзжались многіе выдающіеся дѣятели какъ русскіе, такъ и славянскіе. Въ числѣ гостей на Кіевскихъ торжествахъ былъ и К. П. Побѣдоносцевъ. Эти то торжества и представили ему поводъ и случай громко засвидѣтельствовать о великомъ значеніи въ жизни русскаго народа православной Церкви и о заслугахъ нашего духовенства.

О заслугахъ собственно духовенства онъ, между прочимъ, вотъ что высказалъ: „Въ нынѣшній день почтимъ благодарною памятью великое служеніе русскаго духовенства. Изъ его среды вышелъ цѣлый сонмъ не только іерарховъ и священнослужителей, но и людей науки и мужей государственныхъ русскаго духа. Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ какихъ живетъ наше духовенство, особливо сельское, у того слово суда, готовое для недостойныхъ, должно умолкнуть предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ голодѣ и нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Легіоны этихъ тружениковъ, стоятъ уже предъ Богомъ молитвенниками за насъ,—*и на ихъ костяхъ стоитъ наша Церковь. Но и нынѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созданіемъ: Слава и честь духовенству нашему* и да умножитъ ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства-словами и дѣломъ“.

Взглядъ почтеннаго писателя и публициста г. Меньшикова на историческую и современную дѣятельность нашего духовенства безспорно заслуживаетъ полнаго вниманія и далеко не лишне принять его не къ одному только свѣдѣнію; но съ другой стороны, долгъ справедливости и чувство благодарности обязываютъ насъ знать, помнить, отнюдь не замалчивать, а въ потребное время даже нарочито и громко возвѣщать великія заслуги нашего духовенства и въ прошломъ и въ настоящемъ предъ отечествомъ, предъ государствомъ въ честь и славу оказавшихъ и оказывающихъ эти заслуги.

(Мис. Об.). *И. Преображенскій.*

Эпидемическій менингитъ.

За послѣднее время общество встревожено вѣстями объ эпидеміи менингита, идущей съ Запада къ намъ. Поэтому своевременное ознакомленіе съ этой болѣзнью и съ возможными мѣрами ея предупрежденія представляетъ большое общественное значеніе и интересъ.

Менингитомъ называется воспаленіе оболочекъ головнаго или спинного мозга или того и другого вмѣстѣ. Помимо менингита, являющагося слѣдствіемъ пораненія черепа или мозга, туберкулеза въ организмѣ и т. д., временами вспыхиваетъ острое гнойное воспаленіе оболочекъ головного и спинного мозга, вызываемое особой бациллой. Это

заболѣваніе захватываетъ острымъ, рѣже хроническимъ воспаленіемъ оболочки всего мозга и можетъ являться единичными заболѣваніями (спорадически), но чаще всего въ видѣ эпидеміи. Послѣдняя эпидемія отмѣчена была въ Германіи въ 60-хъ годахъ. Поражались спинномозговымъ эпидемическимъ менингитомъ больше дѣти, на которыхъ падало около 80 проц. заболѣваній, и подростки, рѣже люди старше 30-тилѣтняго возраста. Эпидемія вспыхивала больше въ зимніе и весенніе мѣсяцы. Поражала больше людей ослабленнаго организма, подорваннаго питанія, съ утомленной или ослабленной нервной системой, которая поэтому и являлась мѣстомъ наибольшей ранимости въ сравненіи съ другими органами и тканями. Большой процентъ больныхъ давали тѣ группы населенія, которыя въ силу скученности, малаго пребыванія на воздухѣ, неудовлетворительности питанія и вообще въ силу недостатка или лишенія многихъ санитарныхъ потребностей и удобствъ представляли удобную почву для зараженія и роста эпидеміи. Къ такимъ категоріямъ населенія, по даннымъ медицинской статистики въ Германін, относятся: населеніе подваловъ, бѣднота, тюрьмы и даже казармы. Зараженіе эпидемическимъ гнойнымъ менингитомъ относится къ разряду такъ называемыхъ міазматическихъ, т. е. поражающихъ даже безъ соприкосновенія съ больными. Начинается менингитъ, какъ и большинство другихъ заразныхъ заболѣваній, лихорадочными явленіями (знобитъ, повышенной температурой, головными болями, недомоганіемъ и т. д.); являются тянущія боли въ конечностяхъ. Затѣмъ болѣе или менѣе быстро присоединяются явленія, указывающія на болѣе глубокое пораненіе спинного мозга: судорожное сведеніе и напряженіе затылка, спины; судороги въ конечностяхъ; боли. Судорожная оцѣпенѣлость переходитъ на все тѣло; присоединяются параличи и другія явленія, и въ такомъ состояніи можетъ наступить смерть. Болѣзнь тянется разно: или очень быстро, или длится недѣли три. Смертность констатируется въ 50 проц. случаевъ. Выздоровленіе бываетъ полное или частичное: остаются сведенія, параличи; изрѣдка потеря слуха, слѣпота. Леченіе этой болѣзни главнымъ образомъ предупредительное: правильный режимъ, оберегаціе нервной системы отъ утомленій, излишествъ и т. п.; поднятіе санитарныхъ условій жизни окружающихъ, особенно тѣхъ классовъ населенія, кои могутъ дать удобную почву для вспышки эпидеміи. И эти заботы, подавляя послѣднюю и изолируя очагъ ея, тѣмъ самымъ оберегаютъ и все общество. По этому въ основу общественной борьбы съ возможной и у насъ эпидеміей менингита должна быть положена забота о санитарныхъ нуждахъ и потребностяхъ тѣхъ слоевъ населенія, кои живутъ скученно, лишены открытаго воздуха, солнца, свѣта и вообще такъ или иначе страдаютъ отъ условій своей жизни или дѣятельности. Дальше вполнѣ цѣлесообразной разумной своевременной мѣрой явился бы созывъ врачей, даже международный (по крайней мѣрѣ германско-русскій), по вопросу объ установленіи наиболѣе научныхъ и полезныхъ мѣръ и средствъ борьбы съ эпидемическимъ менингитомъ: тогда всѣ врачи, всѣ медицинскіе дѣятели да и все общество будутъ въ курсѣ послѣдняго слова науки объ этой эпидеміи, а потому вполнѣ и успѣшно будутъ бороться за недопущеніе ея въ наше отечество и за подавленіе этого заболѣванія въ случаѣ эпидемической вспышки его. Леченіе заболѣвшихъ эпидемическимъ менингитомъ сводится къ возможной изоляціи больного и къ устройству правильнаго врачебнаго наблюденія: больному предписывается полный покой и врачи лечатъ больного тѣми мѣрами и средствами, какія показываются отдѣльными симптомами и послѣдствіями инфекціи. Вотъ почему другой важной общественной мѣрой должна являться забота объ увеличеніи и расширеніи нервныхъ больницъ, куда могли бы быть возможно раньше и полнѣе эвакуированы эпидемическіе больные и гдѣ леченіе больныхъ и изоляція ихъ, конечно, успѣшнѣе и легче, чѣмъ въ условіяхъ домашней обстановки, особенно, если мы имѣемъ дѣло съ бѣднотой и скученностью и если принять во вниманіе возможность массового пораженія. („Р. В.“).

Доктрина Нитцше.

(Краткое изложеніе основныхъ воззрѣній философа по его послѣднимъ сочиненіямъ).

Кому изъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ русскихъ читателей не извѣстно имя Фридриха Нитцше. Нитцше,—идеи котораго бурнымъ вихремъ уже пронеслись надъ западной Европой, утратили свой первый жаръ и понемногу становятся предметомъ обсужденія безпристрастной критики и холоднаго историка,—Нитцше, звѣзда котораго, такимъ образомъ, уже меркнетъ на родинѣ, за послѣдніе годы сдѣлался нашимъ моднымъ философомъ. Если не слишкомъ многіе его серьезно усвоили, то громадное большинство старается схватить, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя мысли новаго учителя и, такимъ образомъ, не отстать отъ прочихъ.

А новый мыслитель по счастливой случайности такъ удобенъ именно для легкаго усвоенія... Философія Нитцше—вѣра безъ доказательствъ: влечетъ и покоряетъ она не своею систематичностью, а смѣлостью отрицанія, силой разрушенія, остротой ироніи, блескомъ афоризмовъ, величіемъ своихъ пророчествъ.

Ея библія—символическая поэма съ заманчивымъ заглавіемъ изъ таинственнаго востока: „Такъ говоритъ Заратустра" (основатель персидской религіи).

Плоды несравненнаго вдохновенія и чрезвычайно восторженнаго напряженія (по словамъ самаго писателя)—она представляетъ сводъ не такъ прочно связанныхъ острыхъ,—мѣстами ѣдкихъ сужденій. Являясь затруднительною для пониманія въ цѣломъ, поэма бьетъ въ глаза отдѣльными мыслями; эти послѣднія, ударяя въ тонъ современному настроенію общества (къ запросамъ котораго былъ весьма чувствителенъ философъ),—легко подхватываются и,—благодаря данной имъ афористической формѣ,—быстро усвояются. Срывая красивые плоды съ новаго дерева, большинство, конечно, и не знаетъ, каково это дерево, какими соками оно питается, на чемъ и прочно-ли стоитъ.

Задачей настоящаго краткаго чтенія и будетъ познакомить благосклонныхъ слушателей съ основными положеніями новаго ученія...

Въ слѣдующемъ чтеніи будетъ данъ и посильный разборъ этихъ положеній.

Афористическая философія Нитцше, по выраженію одного обозрѣвателя [1]), подобна сооруженію, котораго отдѣльныя части соединены были въ одно цѣлое только въ умѣ строителя... Страстная, впечатлительная натура, Нитцше не былъ (и не могъ быть) постояненъ: онъ отдавался чему-либо весь, сполна, но не надолго... Вся жизнь его есть смѣна самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ настроеній. Сегодня онъ разбиваетъ то, что создалъ и чему молился вчера. Нитцше перемѣнчивъ какъ вѣтеръ; противорѣчія составляютъ часть его души... При всемъ этомъ философъ еще прямо не желаетъ слѣдить за ходомъ своихъ мыслей: въ разумѣ и законахъ его онъ видитъ лишь грамматическій разсудокъ, логическая разработка идей ему кажется не существенной...

Конечно, послѣ сказаннаго не будетъ страннымъ, что у Нитцше-Философа нѣтъ логически стройнаго міровоззрѣнія.

Подобно развалинамъ великаго духа, въ которомъ не достаетъ душевнаго равновѣсія, предъ нами лежатъ разрозненные обломки его произведеній.

1) Проф. Риля.

Сложить эти обломки въ цѣлое,—иначе привести Нитцше въ систему не легко.

Лучше бы разсматривать идеи и мысли философа въ связи съ переживаемыми имъ настроеніями... Но задачи краткаго чтенія, къ сожалѣнію, не позволяетъ выполнить такой обширной и сложной работы.

Является необходимость систематизировать Нитцше.

Къ счастію, самъ же философъ нѣсколько облегчаетъ намъ преодолѣть трудности этого дѣла: именно онъ самъ училъ, что истинная философія есть даръ управлять жизнію, должна давать переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Конечно, таковы задачи и его философіи. А если такъ, то,—значитъ,—всякая истинная философія, по существу дѣла, есть ученіе—или скажемъ по научному,—доктрина.

И философія Нитцше есть доктрина, а потому и излагать ее удобно, какъ и всякую другую доктрину.

Такъ какъ крупнѣйшіе вопросы всякаго ученія, всякой доктрины—есть вопросы о смыслѣ всего бытія, о человѣкѣ, его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то думается, поставивъ ихъ, создадимъ надежную почву для систематизаціи,—разстелемъ,—выражаясь образно,—канву, на которую можемъ переносить замысловатые узоры новаго ученія. Для наилучшаго же изображенія будемъ заимствовать краски у самаго философа (т. е. выражать мысли его же словами).

Конечно, въ изложеніи мы будемъ держаться послѣднихъ воззрѣній философа, въ частности тѣхъ воззрѣній, когда Нитцше,—послѣ рѣзкаго переворота, потрясшаго весь его организмъ, сталъ тяготѣть къ матеріализму.

Начнемъ изложеніе. Основной вопросъ о происхожденіи міра и человѣка Нитцше затрогиваетъ мало и отсылаетъ для его рѣшенія къ философамъ—натуралистамъ и, въ частности, къ Дарвину хотя послѣдняго считаетъ не слишкомъ значительнымъ авторитетомъ въ наукѣ... Онъ принимаетъ за несомнѣнное все, что созд но въ данной области самыми смѣлыми на выводы представителями естествознанія,—а лучшими (наиболѣе солидными) изъ нихъ или совсѣмъ не раздѣляется, или что и допускается, то—какъ вѣроятность. Такъ—вмѣстѣ съ ними—философъ отрицаетъ какое—бы то ни было твореніе міра. Міръ произошелъ самъ собою—изъ вѣчной матеріи. Сама собою явилась жизнь на землѣ,—и все стало развиваться по общимъ законамъ природы, законамъ—необходимости. Изъ растеній образовались животныя, изъ животныхъ—человѣкъ.

„Вы прошли путь отъ червя до человѣка"—говоритъ философъ, обращаясь къ людямъ—„нѣкогда вы были обезьянами" [2]).

Вѣру въ Бога, свободу и безсмертіе мы должны потерять, по Нитцше, какъ первые зубы, и только тогда выростутъ настоящіе... [3]) Богъ—это простая гипотеза, въ которой никто будто бы здравомыслящій болѣе не нуждается... [4]) Уже дознано, что „Богъ мертвъ", что вѣра въ христіанскаго Бога сдѣлалась недостовѣрной. Это новѣйшее событіе начинаетъ уже бросать свои первыя тѣни надъ Европой... И мы, философы и свободные мыслители съ радостью взываетъ Нитцше, при извѣстіи, что „древній Богъ мертвъ, чувствуемъ себя какъ-бы озаренными новой утренней зарей. Горизонтъ намъ кажется опять свободнымъ, хотя бы онъ былъ даже и не ясенъ; наши корабли, наконецъ, снова могутъ выплыть, готовые на всякую опасность; отвага познающаго снова позволительна, море, наше море снова лежитъ предъ нами открытымъ" [5]).

Отвергнувъ вѣру въ Бога, Нитцше далѣе не признаетъ никакихъ вѣчныхъ фактовъ, „никакихъ абсолютныхъ истинъ"; существуетъ, по нему, лишь „временная являемость". [6])

Вѣра въ свободу воли—одна изъ абсолютныхъ истинъ—есть „изначальное заблужденіе всего органическаго; она также стара въ мірѣ, какъ существующія въ немъ логическія дѣйствія". [7])

Наоборотъ—человѣкъ, развившійся изъ обезьяны, есть, по Нитцше только *„хищный звѣрь" съ лучшими инстинктами его*. Постепенно онъ изъ хищнаго звѣря становится болѣе умнымъ, болѣе человѣкоподобнымъ... Первымъ побужденіемъ къ развитію его служатъ интересы пропитанія. „Пропитаніе—вотъ настоящая пища для разговоровъ толпы. Они хищныя животныя: въ ихъ словѣ „работать" слышится еще также „перехитрить". Слѣдовательно, они должны стать лучшими хищными звѣрями, болѣе утонченными, болѣе умными, болѣе человѣкоподобными". [8])

Даже культурные люди, „которыхъ" такъ сдерживаютъ обычаи, почитаніе, благодарность и еще болѣе—подглядываніе другъ за другомъ, взаимная ревность и подозрительность,—и которые, съ другой стороны, въ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ изобрѣтательны въ самообладаніи, деликатности, вѣрности, гордости и службѣ,—тѣ же самые люди, въ отношеніи къ тому, что для нихъ чужое, *не лучше отпущенныхъ на свободу дикихъ звѣрей*... А когда они наслаждаются свободой отъ всякаго общественнаго гнета, когда считаютъ себя—напр. въ пустынѣ обезпеченными отъ всякаго напряженія, какое чувствуется въ обществѣ, то вновь обрѣтаютъ *невинность хищныхъ звѣрей*, какъ торжествующія чудовища".

Хищные инстинкты звѣря, черты первобытнаго оригинала—это по Нитцше, снова великое зерно, изъ котораго развертывается великое и лучшее будущее *и человѣка и человѣчества*... Дальнѣйшее изложеніе и имѣетъ своею цѣлью—представить, какимъ же образомъ развертывается это будущее, какъ идетъ развитіе человѣка и человѣчества или, по выраженію Нитцше, какъ выражается великое дѣло созиданія и познанія. Начальное развитіе человѣка идетъ такимъ образомъ. Съ пропитаніемъ пробуждаются и другія потребности его физической природы. Эти потребности главенствуютъ въ человѣкѣ. Они и должны быть истиннымъ водителемъ человѣка по пути впередъ, такъ какъ ведутъ его тѣмъ путемъ, какимъ идетъ вся природа—путемъ *естественнымъ*...

Въ послѣдующей жизни человѣка потребности его чувственной природы осложняются, отончаются. Являются разумъ и духъ, которые, такимъ образомъ, не что-либо особенное, изначальное въ человѣкѣ, не отличительныя преимущества его, а лишь позднѣйшее пріобрѣтеніе,—не болѣе, какъ порожденіе его могучаго тѣла.

Художникъ слова, Нитцше пользуется силою своихъ красокъ, чтобы возможно ярче выставить эту—одну изъ своихъ основныхъ мыслей,—и тѣмъ самымъ и утвердить ее, и убѣдить въ ея истинности.

„Наше я", говоритъ онъ,—исключительно тѣло и ничто больше, а душа есть лишь слово для обозначенія чего-то въ тѣлѣ... Тѣло—великій разумъ. Орудіемъ твоего тѣла, братъ мой, является твой маленькій разумъ; то, что ты называешь духомъ, маленькій инструментъ и игрушка твоего великаго разума.. Я, говоришь ты, и гордишься этимъ словомъ. Но болѣе велико твое тѣло и его великій разумъ: тѣло не говоритъ „я", а дѣлаетъ „я"... За твоимъ духомъ всегда лежитъ еще „само". Оно господствуетъ и является господиномъ надъ „я". Этотъ могущественный повелитель, неизвѣстный мудрецъ живетъ въ твоемъ тѣлѣ. Онъ—твое тѣло. Твое „само" имѣется надъ твоимъ „я". „Я" является помочами для него и внушителемъ его понятій. „Само" говоритъ къ «я»: чувствуй здѣсь боль!—и вотъ «я» страдаетъ. «Само» говоритъ къ «я»: чувствуй теперь

[2]) Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра
[3]) Изъ сочиненія—Плужникъ.
[4]) Изъ сочиненія—Человѣчное, слишкомъ человѣчное.
[5]) Изъ сочиненія—Радостная наука.
[6]) Изъ сочиненія—Человѣчное, слишкомъ человѣчное.
[7]) Оттуда же.
[8]) Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

радость!—и вотъ «я» веселится... Создающее «само» создало себѣ все: и уваженіе, и презрѣніе, радость и горе. Создающее тѣло, такимъ образомъ, создало себѣ духъ, какъ руку своей воли... Нарождающееся и борющееся тѣло проходитъ и чрезъ исторію... А духъ?—что онъ для него? Герольдъ его борьбы и побѣдъ, его товарищъ и отголосокъ [9])“.

Такъ какъ физіологическая жизнь имѣетъ преимущественное значеніе для человѣка, чѣмъ психическая, которая только сопутствующее проявленіе первой, то тѣло и уходъ за нимъ должны быть предметомъ особыхъ заботъ человѣка... «Культура должна начинаться не въ душѣ; надлежащимъ мѣстомъ для нея служатъ тѣло, поведеніе, діета физіологія, а все остальное отсюда слѣдуетъ». [10]).

Духъ и разумъ, какъ порожденіе тѣла, должны бы быть всегда его вѣрными орудіями, находиться въ полномъ подчиненіи чувственной природѣ. Но исторія показываетъ другое. Духъ и разумъ весьма часто выходятъ изъ повиновенія тѣла, пытаются сами сдѣлаться руководителями человѣка и достигаютъ этого: отклоняютъ его съ истиннаго естественнаго пути, влекутъ куда-то за предѣлы видимаго, земного, порождаются обманы и заблужденія... Философъ горько жалѣетъ по поводу такого уклоненія и горячо призываетъ духъ и разумъ снова служить смыслу земли. «Сотни разъ, говоритъ онъ, улетали и заблуждались до сихъ поръ духъ и добродѣтель. Ахъ! въ нашемъ тѣлѣ и теперь еще живутъ этотъ обманъ и заблужденіе: и сдѣлались въ немъ плотію и волей. Сотни разъ до сего времени духъ и добродѣтель дѣлали опыты и заблуждались. Да, человѣкъ былъ опытомъ. Ахъ, много невѣжества и заблужденій въ немъ сдѣлались плотію. Въ насъ прорывается не только разумъ тысячелѣтій, но и ихъ безуміе. Опасно быть наслѣдникомъ. Поэтому, братья мои, съ силой вашей добродѣтели оставайтесь вѣрны землѣ! Пусть ваша дарящая любовь и ваше познаніе служатъ смыслу земли!.. Не позволяйте имъ упорхнуть отъ земли и биться о вѣчныя скалы! Ахъ, всегда было такъ много улетѣвшей добродѣтели... Ведите улетѣвшую добродѣтель къ землѣ, да обратно къ тѣлу и жизни, чтобы она дала смыслъ, ея человѣческій смыслъ...

Пусть-же вашъ духъ и ваша добродѣтель служатъ смыслу земли! Истинная задача духа и разума и теперь шагъ за шагомъ бороться съ гигантомъ случаемъ, такъ какъ надъ всѣмъ человѣчествомъ до сихъ поръ еще властвуетъ безуміе—безсмысліе. Поэтому, должно быть борющимися, должно быть созидающими!... [11])

Въ послѣднихъ словахъ философа уже слышится крикъ буревѣстника.

Но вотъ разражается и самая буря, страшная буря, въ которой должно погибнуть все, что стояло болѣе или менѣе прочно отъ глубочайшихъ временъ человѣчества,—все, что до сихъ поръ составляло самую жизнь духа... И только человѣкъ, пережившій ее, получаетъ возможность совершать дѣло истиннаго познанія, истиннаго созиданія... проще можетъ развиваться далѣе... Такимъ образомъ, познанію, созиданію должно предшествовать разрушеніе, отрицаніе—или, лучше, самое дѣло созиданія начинается съ разрушенія.

Прежде всего Нитцше объявляетъ борьбу противъ трехъ великихъ ересей,— именно, религіозныхъ, моральныхъ и метафизическихъ представленій,—которыя совлекли человѣка съ естественнаго пути развитія. «У человѣка, говоритъ онъ, развелось слишкомъ много ересей, благодаря которымъ онъ перешелъ вести себя, какъ животное. И дѣйствительно, человѣкъ сдѣлался мягче, умнѣе, радостнѣе, разсудительнѣе, чѣмъ всѣ животныя. Но онъ страдаетъ еще теперь отъ того, что долго держался этихъ ересей, что долго ему не доставало чистаго воздуха и свободнаго движенія: эти ереси, опять и опять повторяю, суть заблужденія моральныхъ, религіозныхъ и метафизическихъ представленій,— заблужденія тяжкія и дающія себя сильно чувствовать. Если болѣзнь ересей пройдетъ, въ такомъ случаѣ вполнѣ будетъ достигнута первая великая цѣль...» [12])

Отвергнувъ ереси, истинно созидающій долженъ затѣмъ отвергнуть и все то, что до сихъ поръ составляло самую жизнь духа,-именно: *вѣру*, *авторитеты*, *вѣковыя цѣнности*, *обязанности*—и оставаться вѣрнымъ своему прежнему водителю, которому, правда, дается новое имя „я хочу“.

„Смотри, взываетъ философъ, на добрыхъ и праведныхъ! Кого они ненавидятъ больше всего? Того, кто разбиваетъ ихъ скрижали цѣнностей, разрушителя, преступника: но онъ-то и есть тотъ, кто созидаетъ... Смотри на вѣрующихъ всѣхъ исповѣданій! Кого ненавидятъ они больше всего? Того опять, кто разбиваетъ ихъ скрижали цѣнностей: но онъ-то и есть тотъ кто созидаетъ. Вы говорите, что вѣрите въ Заратустру? Вы—вѣрующіе въ меня; но что важнаго во всѣхъ вѣрующихъ? Вы еще не искали другъ друга—и нашли меня! Такъ дѣлаютъ всѣ вѣ-

[9]) Изъ сочиненія—такъ говоритъ Заратустра.

[10]) Изъ сочиненія—Сумерки кумировъ

[11]) Изъ сочиненія Такъ говоритъ Заратустра.

[12]) Изъ сочиненія—Странникъ и его тѣнь.

рующіе, потому что такъ маловажно всякое вѣрованіе... Вы меня почитаете; а что если однажды ваше почитаніе рухнетъ! Остерегайтеся, какъ бы не убила васъ статуя... Поистинѣ совѣтую вамъ: уходите отъ меня и защищайтесь противъ Заратустры. Человѣкъ познанія долженъ не только любить своихъ враговъ, но быть въ состояніи ненавидѣть и своихъ друзей... Плохо воздаешь учителю, если всегда остаешься только ученикомъ. Почему не хотите вы вырвать лавровъ изъ моего вѣнка?" [13])

Бросивъ авторитеты, оставивъ вѣру—духъ долженъ стать львомъ, стараться добыть себѣ желанную свободу... «и вотъ послѣдняго своего господина, по Нитцше, онъ ищетъ себѣ въ собственной пустынѣ... изъ-за побѣды и власти хочетъ онъ бороться съ великимъ дракономъ... Кто-же этотъ великій драконъ, котораго духъ не желаетъ называть больше господиномъ и божествомъ? «*Ты долженъ*»—называется великій драконъ. Но духъ льва говоритъ: „*я хочу*". „Ты долженъ"—лежитъ у него на дорогѣ, сверкая, какъ золото, чешуйчатый звѣрь, и на каждой чешуѣ золотомъ блеститъ: «ты долженъ». Тысячелѣтнія цѣнности блестятъ на этихъ чешуяхъ, и такъ говоритъ самый могущественнѣйшій изъ всѣхъ драконовъ: „вся цѣнность вещей блеститъ на мнѣ; великая цѣнность уже создана, и всякая созданная цѣнность—это я. Поистинѣ не должно больше существовать никакого „я хочу". Такъ говоритъ драконъ" [14]).

Могущественнѣйшій изъ всѣхъ драконовъ, на чешуяхъ котораго блеститъ вся цѣнность вещей—это христіанство. Нитцше объявляетъ себя страстнымъ и крайнимъ врагомъ христіанства. Свое послѣднее сочиненіе онъ озаглавилъ „Антихристъ"—и въ немъ изрекаетъ такія осужденія на Церковь Христову, такія хулы на ея святыни, что прочіе враги христіанства—Штраусъ, Ренанъ, Гартманъ, Геккель и др.—прямо невинныя дѣти по сравненію съ нимъ. По Нитцше—Церковь допустила послѣднюю порчу нравовъ, какая возможна; изъ каждой цѣнности сдѣлала безцѣнокъ, изъ всякой истины—ложь, изъ всякой правды—душевную низость. Она создавала бѣдствія, чтобы увѣковѣчить себя... Ея равенство душъ предъ Богомъ—это взрывчатый матеріалъ понятій, христіанскій динамитъ, призывъ толпы къ бунту... Ея загробный міръ—это нѣчто испивающее, посредствомъ церковныхъ идеаловъ блѣдной немочи и святости, всякую кровь, всякую любовь, всякую надежду на жизнь... Ея крестъ—есть символъ наивысшаго заклятія, какое когда-либо было, заклятія противъ здоровья, красоты, удачи, храбрости ума... противъ самой жизни... [15])

Замѣтимъ, правда, что этотъ болѣзненный вопль противъ христіанства вырвался изъ души философа незадолго предъ тѣмъ, какъ онъ впалъ въ полное умственное разстройство... Ранѣе онъ говорилъ о христіанствѣ болѣе сдержанно, хотя оно, какъ религія смиренія, сострадания, благодѣяній—и находится какъ ниже увидимъ, въ діаметральной противоположности къ религіи Нитцше—религіи гордости, самоувѣренности, презрѣнія къ слабымъ.

Дальнѣйшій ходъ „созиданія", по Нитцше, будетъ состоять въ слѣдующемъ.

Совершивъ переоцѣнку всѣхъ тысячелѣтнихъ цѣнностей,—въ частности, отвергнувъ христіанство,—эту цѣлостную и продуманную систему,—по словамъ самаго философа,—отвергнувъ вѣру, авторитеты и обязанности,—духъ льва (такъ называетъ Нитцше созидающаго) становится совершенно *внѣ морали*. Слѣдуя только «своему хочу»—своимъ внутреннимъ инстинктамъ и влеченіямъ—онъ не знаетъ различія между добромъ и зломъ. То, что называется зломъ даже необходимо—и для личнаго развитія—и, конечно, вмѣстѣ съ этимъ для развитія всего человѣчества. Зло необходимо, что бы росло и крѣпло человѣчество... Необходимы тѣ опасности, которыя закаляютъ волю, тѣ сильныя страсти, безъ коихъ человѣкъ не способенъ создать чего-либо великаго... Властолюбіе, зависть, корыстолюбіе, насиліе и злоба—все это качества, ровно необходимыя для возвышенія человѣчества... Даже болѣе-сильные и злые люди всегда и были главными двигателями человѣчества. [16])—Итакъ нѣтъ больше различія между добромъ и зломъ; велико только то, что стоитъ внѣ морали.

Однако, Нитцше не проводитъ до конца своихъ положеній, онъ не можетъ выдержать полнаго безразличія между добромъ и зломъ и отрицанія вообще всякой морали. Людей созиданія отмѣчаютъ нѣкоторыя общія черты, въ поступкахъ ихъ—хотя они и вполнѣ естественны, даже какъ-будто необходимы—есть тоже нѣчто общее, такъ что для нихъ не устраняется общая точка зрѣнія, напр., на отношенія къ другимъ людямъ и между собою, на поступки другихъ лицъ,—*словомъ, для нихъ возможна своя мораль*. Эта мораль людей созиданія, высшихъ людей, списанная прямо съ ихъ жизни, какъ увидимъ,—особенная, отличная и отъ христіанской и отъ общечеловѣческой; ея основы даже прямо противоположны основамъ послѣднихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

13) Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.
14) Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

15) Изъ сочиненія—Антихристъ.
16) Изъ сочиненія—По ту сторону добра и зла.

ПРІЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ

ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется, что съ 16 августа 1905 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть пріемъ воспитанниковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній, православнаго исповѣданія, окончившіе курсъ духовной семинаріи *съ званіемъ студента.*— Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія къ пріемному экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія.—Окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ заведеніяхъ принимаются безъ экзамена, если не имѣютъ въ виду занять стипендію; въ противномъ случаѣ подвергаются испытанію наравнѣ съ прочими.—Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

2) Просьбы о пріемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или *присылаются по почтѣ* на имя ректора Академіи *до 6-го августа.*

3) Къ прошенію о пріемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи; д) поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также *до 6-го августа* высылаютъ всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную *къ 14 августа* (*но не ранѣе 12 го*).

4) Желающіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

5) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительно медицинскому освидѣтельствованію состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

6) Повѣрочныя пріемныя испытанія будутъ произведены: по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до раздѣленія церквей) и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать на заданныя темы сочиненія—одно по богословскимъ и другое по философскимъ предметамъ и поученіе. Тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, на пріемномъ испытаніи освобождается отъ экзамена по симъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако-же, въ случаѣ поступленія въ Академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ.

7) Испытанія *всѣхъ* явившихся будетъ производимо *по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.*

8) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—на казенное содержаніе и стипендіи, а остальные—своекоштными.

9) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзаменъ. Свободныхъ стипендій для I курса имѣется въ виду не менѣе 5. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

10) Своекоштные студенты за свое содержаніе въ Академіи вносятъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи.

11) Внѣ зданій Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное, а не случайное или кратковременное жительство въ Кіевѣ.

12) Лица, поименованныя въ 79 статьѣ, пунктъ 2, и 80 ст., п. 3, Уст. о воинск. повинности (псаломщики, учители духовн. училищъ, земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, надзиратели дух. учил. и семин.), зачисленные въ запасъ арміи и не выслужившіе установленнаго пятилѣтняго срока въ занимаемыхъ ими должностяхъ, не могутъ быть допущены къ пріемнымъ экзаменамъ.

За Редактора, Ректоръ Семинаріи, *Архимандритъ Антоній.* За Помощника Редактора, *Ив. Нещеретовъ.*

Дозволено цензурою. Вильна, 30 апрѣля 1905 года. Вильна, типогр. «Русскій Починъ»